

Рисунки и живопись С. Яковлева

Столь же личная судьба Яковлева как художника, сколько и его продукция в нашем искусстве, а в данное время и Европы, являются исключительными.

Съ внешней стороны судьба его творчества протекала подъ рѣдко счастливой звѣздой, и дала возможность его недюжинному дарованію прошедшему черезъ суровую школу академика Кардовскаго и его прирожденному особому дару рисовальщика развернуться въ широкомъ масштабѣ.

Съ внутренней стороны его творчество явило нѣкій, небывалый въ исторіи живописи, переломъ, не выгибъ, не эволюцію, а полный срывъ, нѣкій кризисъ, заставляющій произвести и полную переоцѣнку живописи Яковлева.

Какъ-бы ни былъ непохожъ Рембрандтъ послѣдней манеры на ранняго Рембрандта все же и всегда это Рембрандтъ; новый Яковлевъ-живописецъ уже не «Яковлевъ». Явленіе это и любопытно и чревато нѣкоторыми счастливыми и несчастными послѣдствіями.

Ситроэнъ проявилъ очень вѣрное чутье избраніемъ отличнаго русскаго рисовальщика Яковлева, зарекомендовавшаго себя выставкой работъ, вывезенныхъ изъ Китая, куда нѣкимъ московскимъ «Медици» Фонъ-Мекъ онъ былъ посланъ, чтобы почерпнуть красочныя вдохновенія для росписи (наряду съ Билибинымъ, Ал. Бенуа и мною) московскаго Казанскаго вокзала и гдѣ Яковлеву удалось безмятежно работать въ тяжелыя години переживаемыя Россіей.

Выборъ Яковлева художественнаго протоколиста-этнографа, прославившаго грандіозныя экспедиціи Ситроэна, — была удача и яркая реклама для того и другого и мы радуемся за нашего соотечественника; но это была и **связанность** художника Яковлева въ выявленіи свободнаго творчества, хотя и обогащеннаго благодаря притоку исключительнаго интереса мотивовъ.

То и другое имѣетъ огромное значеніе въ оцѣнкѣ продукции Яковлева: связанность чувствуется уже въ характерѣ недавно закрывшейся выставки у Шарпантье, пересыщенной, что всегда невыгодно для художника.

Слишкомъ было всего много и потому острота воспріятія притуплялась. Всякая выставка должна считаться съ нѣкоторымъ предѣломъ вниманія зрителя и правильная дозировка имѣетъ значеніе огромное. Но въ данномъ случаѣ это не вина художника, такъ какъ выставка **отчетная**, каждый рисунокъ и мотивъ — документъ экспедиціи.

На ряду съ этимъ, ошеломляюще дѣйствовала

продуктивность мастера, по истинѣ исключительная и являющаяся результатомъ, главнымъ образомъ, мастерства и навыка, но и отчасти слишкомъ упрощеннаго подхода къ сложнымъ живописнымъ заданиямъ нѣкотораго **приема**, рассчитаннаго на быстроту исполненія.

Съ такой задачей врядъ-ли кто бы справился и въ столь краткій срокъ въ особенности.

Только очень большое умѣніе могло дать такую регистрацію типовъ-портретовъ исключительнаго мастерства, гдѣ цѣнный протоколъ, характеръ и жизненность сочетаются всегда съ отличной «мизанъ пажъ», виртуознымъ владѣніемъ матерьяла и почти всегда съ утонченнымъ вкусомъ.

Относительно послѣдняго можетъ быть спорнымъ иногда сочетаніе трактовки чистой сангиной лица дающей условный кирпичный цвѣтъ всему лицу съ трактовкой аксессуаровъ — костюма и головного убора, сильными красочными тонами. Черная барашковая шапка «какъ живая», надѣтая на голову, исполненную одной сангиной (погибшаго начальника экспедиціи) детонируетъ.

Лицо не только цѣликомъ исполненное сангиной, но даже слегка подкрашенное ею, требуетъ очень бережнаго отношенія къ цвѣту аксессуаровъ (что понимали старые итальянскіе мастера и Клуэ), ибо аксессуары требуютъ отъ лица красочной связи, чтобы сгармонировался аккордъ цвѣта. Въ этомъ отношеніи бѣглая трактовка углемъ бѣлыхъ бурнусовъ на рисункахъ «нуаръ э ружъ» у Яковлева очень красива.

Въ другихъ случаяхъ сангина досадно, словно трюкируетъ, смуглость лица, между тѣмъ какъ тотъ же цвѣтъ губъ и глазъ сангиной напоминаетъ объ условности однотоннаго рисунка.

Нѣчто подобное (да проститъ мнѣ художникъ) испытываешь въ смыслѣ диссонанса при видѣ окончательно выцвѣвшихъ на солнцѣ восковыхъ головъ въ витринахъ, съ обезкрашенными губами и щеками и съ очень живого цвѣта волосами парика.

Мнѣніе, что рисунки Яковлева все тѣ же, что и раньше, — не вѣрное. Очень многіе изъ нихъ глубже въ смыслѣ духовнаго элемента и содержаніе въ нихъ болѣе духовнаго проникновенія, часто раньше отсутствовавшаго, при всей пластикѣ формы и протокольномъ сходствѣ, а сочетаніе того и другого (старые мастера) не заключаетъ ли оно въ себѣ главную цѣнность портрета въ строгомъ смыслѣ слова.

Что касается живописи, — этой сложнѣйшей и столь отвѣтственной для художника, столь «иной»